

Н. М. Мышьякова¹

«ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ» КОММУНИКАЦИИ

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий...

И. С. Тургенев

Драматическая жизнь классических традиций в современной культуре — общая тема множества научных публикаций. В числе тревожных симптомов находятся

¹ Заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор искусствоведения, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. «Литература и музыка в русской культуре XIX века», «Лирика А. А. Фета (интермедийные аспекты поэтики)», «Художественная культура Средних веков», «Сфера социально-культурного сервиса: теоретические аспекты изучения» (в соавт.) и др.

и языковые изменения. Однако язык — особая субстанция: «живой как жизнь», «восстающий из пепла», неуязвимый, обладающий мощнейшим потенциалом возрождения и жизнестойкости. По словам Л. Витгенштейна, «сходство с речью для нас не поверхностное сравнение, но нечто важное и великое!»² Именно тотальность и высокая степень языковых деформаций позволяют надеяться на существование противоположного элемента оппозиции и внушают некоторый оптимизм.

² *Витгенштейн Л.* Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 469.

К негативным языковым тенденциям («клиника языка») можно отнести следующие:

Утрата идеологического статуса языка. Общее убывание антропности, низкий статус гуманитаристики, ничтожная доля гуманитарного знания в различных образовательных системах, естественно, деформируют традицию благоговейного отношения к слову. Слово как «дело», как «оружие», преследования за публичное выступление сейчас выглядят, в лучшем случае, архаично, чаще — как новый и любопытный скандал. Азарт и мощь публичного высказывания превратились в телевизионные шоу-программы, планомерно и целенаправленно развлекающие массовую аудиторию, которая более смотрит, чем слушает. Популярные ораторы современности из высшего эшелона власти выглядят эстрадными артистами. Зрелищный и мобильный характер происходящих споров скорее отвлекает от смысла дискуссии, чем заставляет задуматься. Из слова элиминирована именно *идея*. Даже законодательное слово скомпрометировано практикой невыполнения и у подавляющего большинства не вызывает доверия. Это элемент коммуникации, а не идеологии.

Утрата юридического статуса языка. Свобода слова, традиционно интерпретируемая как знак свободы *вообще* и являющаяся одной из высоких целей человечества, став массовой и повседневной практикой, превратилась во вседозволенность и языковой беспредел. Путаность, непрозрачность и необозримое множество юридических документов, неисчислимо количество поправок и дополнений, тотальное юридическое невежество подавляющего большинства населения полностью лишили слово законности. «Слово — закон» уже руины.

Внутриязыковая неразборчивость. Кризис русского образования, ставший постоянной темой обсуждения на разных уровнях, явлен прежде всего в поражающей безграмотности. Отсутствие профессиональной корректуры во многих издательствах, низкая грамотность пишущих и издающих свои труды в «авторской редакции» стали повседневной практикой и вызывают скорее печаль, чем возмущение. Обилие информации, новые технологии печатания, атаки иноязычных обозначений деформировали правила переноса слов, «обогатили» современный словарь чудовищной лексикой (*винда, автогад, ксерить*). Допуская эти инновации, язык проявляет странную неразборчивость, всеядность.

Сдача этических позиций. Равнодушие языка к собственной внутренней чистоте и классичности приводит к оккупации устной и письменной речи недопустимыми выражениями. Просторечные, грубые, жаргонные, даже нецензурные выражения стали знаками «простоты», доступности, человечности говорящего. Низовая лексика как бы осуществляет акт классовой мести, занимая позиции официально разрешенного слова. Даже словообразовательная модель становится более просторечной. Если раньше статус обыкновенного пьяницы повышался суффиксом *-ист*, превращая его в *алкоголиста* и тем самым включая в высокий ряд *коммунистов, активистов, пропагандистов* и прочих, то сейчас в ходу занижающие и огрубляющие аффиксы

(например, *звезданутая, видюха, пофигачь*). Из фольклорного персонажа *мужик* превратился в синоним человека мужского пола, а *баба* стала чуть ли не обозначением человеческого в женщине. Красивое и этически высокое слово пытается камуфлировать себя иронией или черным юмором, но позиция его хрупка, а перспективы смутны.

«Физические» потери языка. Коммуникативная модель, требующая быстрого и объемного пропускания информации, способствует рождению различных лексических карликов, морфологических уродств: *ксерокопировать — ксерить; фотографии, фотографировать — фотки, фоткать; фанаты — фаны*. Однако сокращениями слов дело не ограничивается, и появляются сокращения фраз: заниматься креативной деятельностью — *креативить*, быть пенсионером — *пенсионерить*.

Практика ключевых слов, всевозможные шаблоны, услужливо предлагаемые в мобильном телефоне, вошедшие в неисчислимые пособия по искусству коммуникации, позволяют архивировать высказывания и чрезвычайно способствуют клишированности и обезличенности речи (*я в шоке; это его проблема; благодарю за вопрос; с этого момента подробнее*). Краткость и точность мутировали в шаблон.

Таким образом, выражаясь словами литературного персонажа, «перспективы достаточно мрачны». Однако на той же почве языкового попустительства существует «веселая наука» и практика словотворчества, обнаруживающие неиссякаемость народного духа, смекалки, жизнестойкости, позволяющие культуре выживать не только *несмотря*, но и *вопреки*. Языковая вседозволенность и беспредел оборачиваются поливалентностью, порождающей «невозможные фигуры», остроумные языковые гибриды с культурным шлейфом: *франкенфуд* (еда, приготовленная из генетически модифицированных продуктов), *абсурдистан* (всякая страна, в которой происходит что-то абсурдное), *гараж-махал* (многоэтажный гараж или парковка). Всепроникающий юмор, соединяющий высокое и низкое, трагическое и смешное и облекающий драму и прозу жизни в крепкое русское *словцо*, остается и сегодня характерной чертой «великого и могучего» русского языка (например, черный юмор петербургской зимы, соединивший трагедию с модной праздничной датой и именем руководителя города, — «валентинки от губернатора»).

Кризисная ситуация порождает и увеличивает творческие усилия. Выход из коммуникационного кризиса видится именно в коммуникационных обновлениях, в выявлении субъекта в контексте вербальных практик. Коммуникативная стратегия предполагает возрождение и интенсификацию субъект-субъектных отношений. В ситуации постоянно нарастающей многозначности, вариативности текста возрастает роль воспринимающего сознания. «Смерть автора», провозглашенная культурой XX века, обернулась усилением рецептивной активности. Читатель превращается в фигуру более значительную, чем создатель текста, последнее слово за ним. Ролевой обмен между писателем и читателем разрушил этимологию: *автор* перестал быть

авторитетом. Взаимодействие литературы, автора, читателя (потребителя, пользователя) и СМИ — одна из глобальных культурных проблем времени: «технологическое становится естественным»¹, а социально-культурное пространство «превращается в компьютерный код — всеобщий и обманчивый»². В связи с этим особо акцентируется именно гуманитарный аспект возникшей ситуации. В контексте деформации традиционных языковых форм каламбурные трансформированные новообразования отражают основные современные тенденции: тотальную сценичность, напряженную экспрессию, игривость и беззаботность словообразования, смелость заимствований и переводов, равноду-

шие к стилевым ограничениям, вольность цитирования. На языковых потерях и деформациях и вырастает некая «прибавочная стоимость знака»³, адекватная театральности современной культуры. Отсюда — не только повседневное остроумие, но и виртуозная языковая игра невиданного размаха. Изначальная антропность культуры служит надежным гарантом ее жизнеобеспечивающим и смыслонесущим преобразованиям. Ассимиляция новых аудиовизуальных технологий и классических культурных традиций способна выполнить омолаживающую функцию, гармонизировать кросс-культурное взаимодействие различных социальных языков.

¹ Кнорр-Цетина К. Рынок как объект привязанности // Социология вещей : сб. ст. Универс. б-ка Александра Погорельского. Сер. «Социология. Политология» / под ред. В. Вахштайна. М. : Издат. дом «Территория будущего», 2006. С. 38.

² Там же.

³ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 1997. С. 26.